

- францисканства (Б. Пастернак и А. Добролюбов)» (автор – д.ф.н. Е.В. Иванова), прочитанные на второй научной конференции «Память литературного творчества» в ИМЛИ РАН (30 октября – 1 ноября 2007 г.), а также статья «Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры» К. Исупова (Вопросы литературы, 2006, № 6).
2. Булгаков В.Л. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л.Н. Толстого. – М., 1957. – С. 331, 333-334.
 3. Исупов К. Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры // Вопросы литературы, 2006, №6. – С. 60-88. – С. 87.
 4. Мережковский Д.С. Франциск Ассизский // Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 4 т. – М., 1990. – Т. 4. – С. 586. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы в скобках.
 5. Колобаева Л.А. Русский символизм. – М., 2000. – С. 35.
 6. Корочкина Е.В. Франциск Ассизский в художественном сознании Д.С. Мережковского // Вестник УлГТУ. – 2005, № 4. – С. 4-5. – С. 5.
 7. Кузмин М. Ассизи // Кузмин М. Стихотворения / Вступ.ст., сост., подгот. текста и примечания Н.А. Богомолова. – СПб., 1999. – С. 451.
 8. Соловьев С.М. Ассизи // Соловьев С.М. Собрание стихотворений. – М., 2007. – С. 552.
 9. Там же. С. 523
 10. Публицистика М. Горького в контексте истории. – М., 2007. – С. 191.
 11. Зайцев Б.К. Преподобный Сергей Радонежский // Зайцев Б.К. Дальний край. Повести. Рассказы. – 2-е изд., стереотип. – М., 2003. – С. 302, 310-311.

V. Moskvichev

IMAGE AND IDEA FRANCIS OF ASSISI
ART CONSCIOUSNESS WRITERS SILVER
AGE (D. MEREZHKOVSKEY, S. SOLOVYEV
ETC.)

Abstract: Article is devoted to actual problem of modern literature science – influence of Francisco of Assisi's person on the views and artistic consciousness of the Silver century writers. Works and sayings of D. Merezhkovsky, S. Soloviev, M. Gorky and others were examined and analyzed to find out the scale of this phenomenon.

Key words: Assisi, St. Francis, Merezhkovsky, Silver Age.

УДК 82.0; 82.09

Савинич С.С.

У. ФОЛКНЕР И В. БЕЛОВ КАК ВЫРАЗИТЕЛИ И ТВОРЦЫ МИФОВ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СУТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУДЕБ В РОССИИ И США *

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы понимания основных стереотипов русского и американского национального самосознания, отраженных в национальных мифах и национальной литературе. В качестве объекта литературного анализа автор использует произведения Вассилия Белова «Привычное дело» и Уильяма Фолкнера «Авессалом! Авессалом!».

Ключевые слова: типология, миф, Фолкнер, Белов, Авессалом.

Прежде чем приступить к сравнительному анализу героев данных произведений, обоснуем необходимость этого сравнения. Часто случается, что в силу исторических причин, культуры двух совершенно разных стран начинают развиваться параллельно. В результате взаимодействия природных, социальных, климатических, и других ус-

ловий обитания, начинает складываться национальный менталитет, который и находит выражение в литературе. Именно литература создает наиболее полноценные художественные образы, позволяющие судить об особенностях национального характера.

Учитывая то, что культурно-исторический фон таких стран, как США и Россия, во многом похож, можно считать обоснованной идею о некоторой общности судеб этих двух наций. Действительно, для США и для России характерны многонациональность, необходимость колонизации новых, бескрайних природных пространств, безусловно влияющих на формирование национального характера. Существование таких форм классовой зависимости, как рабство в США и крепостное право в России и последующая борьба с ними. Все это во многом роднит эти страны, но есть и несколько существенных различий.

Прежде всего, это разные формы ре-

* © Савинич С.С.

лигиозного сознания. Православие в России и протестантство в США предлагают совершенно разные пути самосовершенствования и познания Истины. Это оказывает значительное влияние на национальное мироощущение и, безусловно, находит отражение в литературе. Но для того, чтобы выявить глубинные сходства и различия национальных типов, отраженных в литературе, необходим подробный сравнительный анализ. Именно благодаря сопоставлению разных национальных литератур, нам яснее представляются особенности каждой из них.

Сравнивая произведения Уильяма Фолкнера и Василия Белова, мы не можем обойти вниманием тот факт, что хронологии их жизней во многом совпадают. Этих писателей также объединяет их способность поставить глобальную общечеловеческую проблему на материале, почерпнутом из жизни своего родного захолустья. Они реабилитируют свою малую родину, предлагая взгляд «не на свой угол из метрополии, а на метрополию из своего угла» [2, т. 1, с. 8]. Именно эта позиция обоих писателей объединяет и такие произведения, как «Авессалом, Авессалом!» У. Фолкнера и «Привычное дело» В. Белова. Сравнивая эти произведения, мы останавливаемся на одном аспекте: характере главных героев. Именно этот аспект позволяет нам выявить глубинную сущность, объединяющую этих двух героев, а также позволяющую судить о некоторой общности и в то же время различии национальных менталитетов.

Оба романа сюжетно представляют собой формулу жизни героя, раскрытую через ряд жизненных ситуаций, которые часто перекликаются. Иван Африканович и Томас Сатпен изначально находятся в одинаковых условиях. Они не воспринимают себя как бедных или богатых. Того, что у них есть, им как раз достаточно, чтобы прокормиться. Они не воспринимают всерьез различительные признаки между людьми, т. к. обладают одним и тем же качеством, которое У. Фолкнер называет «невинностью духа».

У этих героев совершенно разное отношение к выполняемой ими работе. В. Белов часто описывает живое удовольствие Ивана Африкановича, получаемое им от работы. Для него работа – это некая естественная потребность, необходимая для поддержания жизни. Работа помогает ему обрести внутреннее равновесие и принимать действительность такой, какая она есть. С его точки зрения, всех можно понять, можно жить в мире со всеми. Можно сказать, что он живет в ладу

с самим собой, и разлад в его миропонимание вносит брат его жены, Митька. Он постоянно убеждает Ивана Африкановича, что тот чего-то недополучил в жизни, не для себя, так для детей. Мечтание о дальних местах, больших деньгах срывает его с привычного места, и он отправляется искать счастья.

Его «одиссея», однако же, длится недолго. Уже через три дня он ощущает невыносимость оторванности от родного дома и возвращается назад. Но и трех дней достаточно для того, чтобы разрушился мир, в котором жил Иван Африканович. словно не стало одной из стен дома, исчезли тепло и уют, созданные им в своем жилище. Исчезло чувство защищенности, и жена его Катерина, умирая, выражает это ощущение такими словами «Иван, ветрено <...> ой, Иван, ветрено как!» [3, т. 2, с. 127]. Из этого становится ясно, что именно на Иване Африкановиче держался тот мир, в котором жили его домочадцы. Несмотря на всю его неловкость в жизненных обстоятельствах, невезучесть, именно он является главою дома. Именно его способность к ежедневному, неустанному труду сообщает энергию движения людям, находящимся вокруг него.

Совершенно иначе относится к этой работе на земле и по дому Томас Сатпен. Он часто наблюдал за старшей сестрой, которая «...равнодушно и тупо выполняла свой неблагодарный труд, тяжелую, доведенную до своей грубой первоосновы бессмысленную работу, которую способна выдержать лишь тупая бессловесная тварь» [2, т. 2, с. 543]. Он видит, что все усилия семьи, направленные на выживание не только не приближают ее к благополучию, но, напротив, отдаляют ее от него. Тогда он решает в корне изменить свою жизнь и покидает семью, которую больше никогда не увидит. Сатпен начинает создавать свой замысел, исполнение которого станет целью его жизни. Он намеревается силой изменить сложившуюся ситуацию и изменить свое социальное положение. Сутью его замысла является приобретение респектабельности. Для этого ему, по его собственным словам, «требовались деньги, дом, плантация, рабы, семья, и между прочим, разумеется, жена» [2, т. 2, с. 566]. С целью приобрести все это, он отправляется на Гаити, место, где, по его словам, человек может быстро добыть себе денег, если он обладает умом и смелостью. Сатпен работает самоотверженно, наравне с любым из своих негров, привезенных с острова Мартиники, но нельзя сказать, что работа доставляет ему удовольствие. Сатпен живет своим замыслом, поэтому он и готов

терпеть лишения и работать в животных условиях, но временно. Если бы Сатпену предложили вернуться к этой работе после того, как дом уже создан, его охватил бы ужас, тогда как Иван Африканович выполняет этот труд ежедневно.

И у Ивана Африкановича, и у Томаса Сатпена сложилось свое, особенное отношение к природе. Иван Африканович уважительно относится к любым проявлениям природы, от лесного травостоя до домашней скотины. С благодарностью принимая все, что ниспосылает природа, он не просит о большем: что есть, того и достаточно. У Ивана Африкановича есть одна типичная для великоросса черта, подмеченная еще Василием Осиповичем Ключевским: он не умеет и не любит работать вместе с другими людьми. Он «лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда ещё не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьётся некоторого успеха и привлечёт внимание: неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их» [4]. Иван Африканович не умеет руководить. Ему легче пустить дело на самотек, довериться естественному ходу событий. Во многом он полагается на природу, доверяет ей, считая себя, видимо, частью ее самой. Символическим изображением жизни Ивана Африкановича можно считать его блуждание по лесу. Он идет к реке, которая служит ему ориентиром, но не находит реку и попадает в гнилой лес. Символическим значением обладает и речка, к которой идет через лес Иван Африканович. В каком-то месте она уходит под землю, а потом выходит на поверхность. Так и в жизни Ивана Африкановича со смертью Катерины словно гаснет свет, он сам как будто «уходит под землю». Возможно, и в лес он уходит, чтобы проверить свою судьбу: пришло время умирать – пропадет, нет – выйдет обратно. Но судьба Ивана Африкановича непредсказуемо играет им и, поведив по лесу, выводит его к людям, возвращая назад к жизни. Мы видим, что автор символически связывает судьбу Ивана Африкановича и окружающую его природу. В тексте произведения они во многом взаимозависимы.

Томас Сатпен начинает свою жизнь в горах Западной Виргинии. От предков ему достается неукротимая воля к победе и острое чутье горца. Но спустившись с гор, его семья попадает в общество людей, которые используют землю не с целью выживания, а с целью обогащения. Чтобы стать частью этого общества, занять в нем высокое положение, Сатпен отправляется на остров Мартинику, где

добывает не только деньги. Там он покупает двадцать африканских рабов, живую плоть, оторванную от родной земли, с тем чтобы обрабатывать чужую землю. С их помощью Сатпен начинает строительство дома, который он буквально «выдрал ... из девственного болота» [2, т. 2, с. 373], совершив насилие над землей. Даже саму землю он каким-то образом выманил у ее законных владельцев – индейцев, детей этой земли. Он засекает землю хлопком и скоро становится очень обеспеченным, если не богатым, плантатором.

Но в результате дальнейших событий, его младший сын, Генри Сатпен, отрекается от отца, совершает убийство и вынужден скрываться от властей. А единственная дочь Сатпена, Джудит, остается обреченной на безбрачие. В конце романа Генри Сатпен, вернувшийся умирать в дом своего отца, сгорает вместе с домом. А поджигает дом Клити, внебрачная темнокожая дочь Томаса Сатпена. С одной стороны, на страницах этого романа разворачивается трагедия, обрывающая существование целого рода. Судьба скрупулезно уничтожает всех до единого потомков Томаса Сатпена. С другой стороны, оскорбленная человеческим вмешательством земля возвращает себе то, что человек пытается у нее отнять.

Читатель может наблюдать кардинальное различие в отношении Ивана Африкановича и Томаса Сатпена к семье. Для Ивана Африкановича семья – это апофеоз его любви к Катерине. У них уже девять детей, и это, безусловно, можно считать показателем искренности их чувства. Отношение Ивана Африкановича к своим детям интересно описывается в главе «Прямым ходом». Там он пытается вспомнить по именам всех своих детей и последовательность их появления на свет и не может вспомнить. Он любит своих детей не каждого в отдельности, а всю семью целиком. Как сказал отец Платона Каратаева в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: «Мне все детки равны: какой палец ни укуси, все больно» [5].

Иван Африканович не задается вопросом, кто кому больше нужен: он – семье или семья – ему? Он, скорее, склонен рассматривать себя как инструмент обеспечения благополучия своей семье. Довольно типичная для него черта – это ставить семейное благо превыше личного и чувства членов своей семьи превыше собственных чувств: «...вспомнил Гришку, вспомнил тихую, с удивленными глазами Марусю, и жалость к себе, пересильная жалостью к ребятишкам, затихла, об-

сохла вместе с недавними слезами» [3, т. 2, с. 132]. Можно заметить, что он постоянно испытывает чувство вины перед своей семьей за то, что он ей недодал. Возможно, именно чувство вины толкает его на решительный шаг – податься на заработки. Но именно с отъездом Ивана Африкановича и начинается цепь необратимых событий, разрушающих его семью.

Томас Сатпен, скорее, склонен рассматривать семью как часть своего замысла, как инструмент его претворения в жизнь. Уже будучи подростком, он строит план, как изменить свой социальный статус. Для достижения цели своего плана он выстраивает цепь необходимых приобретений. Это респектабельность, положение в обществе. Но, чтобы занять высокое положение в окружающем его обществе, ему необходима земля, деньги, дом и, как уже говорилось, жена и семья. После того как он строит дом в Джефферсоне, он выбирает себе в жены Эллен Колдфилд. Причем выбирает он ее не по любви, а по родословной, как домашнее животное. Это отношение Сатпена к женщине отражается и в его словах, обращенных к внучке Уоша Джонса: «Очень жаль, Милли. Будь ты кобылой, я б отвел тебе хорошее стойло на конюшне» [2, т. 2, с. 585].

Теперь мы можем сделать некоторые выводы относительно того, как ведут себя эти литературные герои в одинаковых, по сути, ситуациях и каково их отношение к одинаковым, по сути, вещам. Для Ивана Африкановича работа не имеет определенного начала и конца. Для него это естественный процесс, параллельный жизни, продолжающийся столько, сколько длится жизнь. Одна работа приходит на смену другой, но Иван Африканович отодвигает усталость, черпая силы в самом труде. Он работает как бы сообща с природой и не для себя, а для семьи, потому и усталость уходит на задний план. Как деревенский житель, Иван Африканович живет природой, она для него и отдых, и работа. Как рачительный хозяин, он берет у природы лишь то, что нужно, стараясь не причинять ей ущерба. Так же бережно Иван Африканович относится и к семье. Фактически он отождествляет себя с семьей и видит личное счастье как исполнение семейного счастья.

В отличие от Ивана Африкановича, Томас Сатпен испытывает отвращение к грубому физическому труду. Он готов выполнять лишь ту работу, которая нацелена на результат. Понимая, что при естественном ходе событий результата придется ждать очень долго, он решает изменить ход времени. Можно

сказать, что он бросает вызов природе, пытаясь получить у нее силой то, что достигается трудом нескольких поколений. Фактически он пытается опередить ход времени. Возможно, одержимость замыслом делает Сатпена безразличным к чувствам других людей. Его отношение к рабам со временем начинает распространяться и на близких ему людей, которых он начинает рассматривать лишь как средство достижения поставленной цели. Именно эти личностные качества Томаса Сатпена и приводят его к неизбежной трагедии.

В результате произведенного нами сравнения сложились два противоречивых образа главных героев. Может показаться, что образ Ивана Африкановича выглядит слишком комплиментарно, а Томас Сатпен представлен в несколько негативном свете. Однако необходимо помнить о том, что образ Сатпена – это собирательный образ основных черт, характерных для первых американских поселенцев. Это упорство, настойчивость, негибкость перед жизненными невзгодами. Но у Фолкнера образ Сатпена выглядит как предупреждение человечеству в целом. В качестве модели человеческого общества он выбирает американский Юг, который «возвел здание своей экономической системы не на твердой скале суровой добродетели, а на зыбучих песках беспринципного приспособления к обстоятельствам и разбойничьей морали» [2, т. 2, с. 563].

Сатпен осуществляет свою американскую мечту за чужой счет, реализуя свободу собственной личности посредством эксплуатации других людей, ставя свои интересы выше интересов других людей. Качества, свойственные Сатпену, хороши, когда человек один на один с природой. Но, для того чтобы построить на освоенной земле полноценное человеческое общество, нужны другие качества. На этом фоне особенно сильно выделяются личные качества Ивана Африкановича, который является также собирательным образом. Этот герой во многом иллюстрирует слова самого В.И. Белова, обращенные к соотечественникам: «И сколько нам отпущено жить – никто не знает... Но жить все равно придется, и жить по-человечески, вернее по-божески» [1].

Нам представляется, что выбранные нами герои являются в некоторой степени архетипичными литературными образами, собравшими в себе некоторые качества, типичные для менталитета, породившего данную литературу. Таким образом, мы осуществили небольшое сравнение фрагментов националь-

ной картины мира с выявлением особенностей отношения к таким базовым понятиям, как «работа», «природа», «семья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Информация приводится по источнику: Белов Василий Иванович, Автобиография, домашняя Интернет-страница //http://www.cultinfo.ru/belov/
2. Цитаты из произведений У.Фолкнера даются по изданию: Фолкнер Уильям, Собрание сочинений в 6 томах. – М., 1985.
3. Цитаты из произведений В. Белова даются по изданию: Белов В.И. Избранные произведения в 3-х томах. – М., 1983.
4. Цит. по: Ключевский В.О. Исторические портреты. – М., 1990. Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса, с. 61.
5. Цит. по: Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двадцати томах. – М., 1963. Том седьмой. Война и

мир. Том четвертый. Часть первая, с. 57.

S. Savinich

WILLIAM FAULKNER AND VASILY BELOV: THE CREATORS OF NATIONAL MYTHS EXPRESSING THE CORE OF THE HUMAN FATE, ESSENTIAL FOR RUSSIAN AND AMERICAN MENTALITY

Abstract: The following article is dealing with the problems of understanding the major stereotypes of Russian and American national mentality, reflected in the national myths and in the national literatures. As the object of literature analysis, the author is using the works of Vasily Belov «Usual thing» and William Faulkner «Absalom! Absalom!».

Key words: typology, myth, Faulkner, Belov, Absalom.

УДК (821.161.1)

Сотова Т.О.

ПОЭТИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО БЫТА В ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ М.А. КУЗМИНА «ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ» (СБОРНИК «НЕЗДЕШНИЕ ВЕЧЕРА» (1921)*)

Аннотация: Статья посвящена двум основным векторам творчества М.А. Кузмина – особому романтическому восприятию обыденной жизни, повседневных мелочей и его интересу к экзотике. Рассматриваются отдельные мотивы лирического цикла «Фузий в блюдечке» (1914). Особое внимание уделяется интересу поэта к японской живописи и немецкому искусству XVIII века. Анализ стихотворений подчинен выявлению эстетической манеры поэта и прояснению мировоззрения Кузмина.

Ключевые слова: экзотика, поэтизация, повседневность, живопись, искусство, культура, интеллигенция.

В поэтическом мире Михаила Кузмина, четко прослеживаются два мотива, во многом определяющих его авторское мировоззрение. Условно их можно обозначить как увлечение экзотикой и «поэтизация домашнего быта». Проходя через всё творчество поэта красной нитью, они неизбежно пересекаются: во всех интересующих его культурах он ищет близкие лично ему явления. Отнюдь не поверх-

ностный интерес Кузмина к прошлому разных народов, к иным, иногда совершенно не соприкасающимся друг с другом культурам Запада и Востока, был отмечен уже современниками. В рецензии к сборнику «Сети» (1908 г.) Николай Гумилев писал: «Разные силы владеют душой М. Кузмина, в мире красоты у него много любимцев: и Счастливая Аравия, вечная родина романтических грез...; и XVIII век – век маскарадов, кружев и шёлка...; и золотой сумрак заволжских скитов; и наша повседневность...» [Гумилев: 1991, 115]. Очевидно, автор «Микка и Луи» и «Гондлы» просто не смог пройти мимо близкой ему тематики: страсть самого Гумилева ко всему экзотическому нередко удивляла, а порой даже забавляла его современников.

Но наряду с экзотикой древности в лирике Кузмина полноправно присутствует поэзия повседневной жизни, определяемая самим автором как «дух мелочей прелестных и воздушных». Эта тема, очень важная и личная для Кузмина, занимала его на протяжении всего творческого пути. Проблему соприкосновения двух ключевых тем у Кузмина исследователи обычно рассматривают на основе «Александрийских песен» (сборник

* © Сотова Т.О.